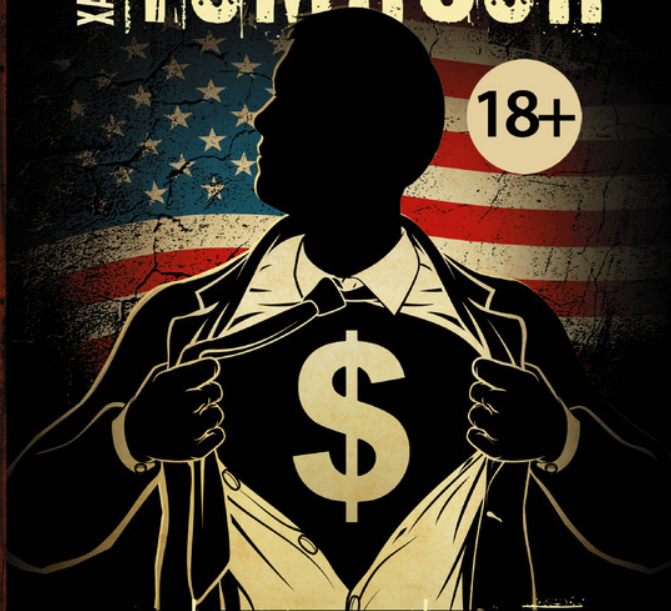

ХАНТЕР С.

ТОМПСОН

18+

ЛУЧШЕ, ЧЕМ
СЕКС

Хантер Стоктон Томпсон

Лучше, чем секс

Серия «Чак Паланик и его бойцовский клуб»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=7678231
Лучше, чем секс: АСТ, АСТ; Москва; 2017
ISBN 978-5-17-085518-6

Аннотация

Мог ли «великий и ужасный» Хантер Томпсон повторить успех своего легендарного «Страха и отвращения в Лас-Вегасе»?

Как оказалось – мог.

Перед вами – «Лучше, чем секс».

Книга – скандал, книга – сенсация.

Книга, в которой Томпсон, с присущим ему умением называет вещи своими именами, раскрывает тайны большой политики.

Как стать президентом?

Или хотя бы занять теплое местечко в «королевской рати»?

Что для этого надо сделать – а чего, наоборот, не делать ни за что?

Хантер Томпсон во всеуслышание рассказывает о том, о чем не принято говорить. И говорит так, что наркотические откровения героев «Страха и отвращения» кажутся очень даже наивными!

Содержание

Часть первая. Гонзо	7
Глава 1. Авторские заметки	7
Глава 2. Книга бесед	25
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Хантер Томпсон

Лучше, чем секс

Hunter S. Thompson
BETTER THAN SEX

© The Estate of Hunter S. Thompson, 1994

© Перевод. А. Скобин, 2009

© Издание на русском языке AST Publishers, 2017

* * *

Старая Женщина и Змея

притча

*Старая женщина шла по дороге и увидела, как банда го-
ловорезов бьет ядовитую змею. Она спасла змею и принесла
её к себе домой, и ухаживала за ней, пока змея не выздорове-
ла. Они стали друзьями и жили вместе много месяцев. Од-
нажды они вместе пошли в город, и старая женщина под-
няла змею на руки, и та укусила женщину. Несколько раз*

подряд. «О, Бог, – закричала женичина. – Я умираю! Почему? Я была твоим другом. Я спасла твою жизнь! Я доверяла тебе! Почему ты меня укусила?»

Змея посмотрела на неё и сказала: «Леди, вы знали, что я змея, когда подняли меня первый раз».

ЧЕТВЕРТАЯ ПОПРАВКА К КОНСТИТУЦИИ США

Право народа на охрану личности, жилища, бумаг и имущества от необоснованных обысков и арестов не должно нарушаться. Ни один ордер не должен выдаваться иначе, как при наличии достаточного основания, подтвержденного присягой или торжественным заявлением; при этом ордер должен содержать подробное описание места, подлежащего обыску, лиц или предметов, подлежащих аресту.

Ворон

«Ты пророк, – вскричал я, – вещий! Птица ты – иль дух зловещий?»

«Вынь свой жесткий клюв из сердца моего, где скорбь – всегда!»

Каркнул Ворон: «Никогда».

И сидит, сидит зловещий Ворон черный, Ворон вещий,
С бюста бледного Паллады не умчится никуда.

И душа моя из тени, что волнуется всегда,
Не восстанет – никогда!

– *Эдгар Аллан По, 1845*¹

Хроника Кампании, которая начинается на странице 54, является тем, чем выглядит – перекидным календарем реальных событий, больших и маленьких, событий, которые оставили след в президентской кампании 1992 года. Жизнь шла вперед, и не так уж много изменилось за эти убогие недели. Но если сегодня вечером в Грязьвилле² нет веселья, Хроника Кампании объяснит – почему.

– *ХСТ*

¹ Перевод К. Бальмонта.

² *Mudville (англ.)*

Часть первая. Гонзо

Глава 1. Авторские заметки

Признание наемного стрелка: жестокий юмор на предвыборной тропе, от убийства Джона Кеннеди до преступлений маркиза де Сада

Тонкая молодая рука. Линия точек от уколов. Найди её. Воткни иглу и толкай поршень, наблюдая, как оглушает джанк. Введи дерьмо полностью. Напитай джанком каждую голодную клетку твоего молодого тела.

– Уильям С. Берроуз *Машина размягчения*

Джон Ф. Кеннеди отвоевал Белый Дом у Ричарда Никсона в ходе безумной избирательной кампании. Тогда целое поколение американцев превратилось в политических джанки. За свои труды Джон Кеннеди получил пулю в голову. Убит в Далласе, несчастным сумасшедшим по имени Освальд, который работал то ли на Кастро, то ли на мафию, а может быть, на Джимми Хоффа, ЦРУ, свою властную госпожу или гнусного дегенерата, шефа ФБР Эдгара Гувера. Список длинный и безумный. А может быть, с Травяного Холма³ стрелял пер-

³ Покрытый травой холмик на площади Дили в Далласе, с которого предположительно был сделан выстрел, убивший Джона Кеннеди. Со временем «травя-

вый муж Мэрилин Монро? Кто знает? Целое поколение американских журналистов всё ещё испытывает неловкость из-за того, что не может ответить на этот вопрос.

Дух Джона Кеннеди будет бродить по американским коридорам власти, пока трава будет зеленой и реки текут к морю... Даю слово, Бубба! Я слышу его шаги вот уже 30 лет. И я по-прежнему чувствую вину из-за того, что не в состоянии объяснить сыну события, которые произошли в мире за время моей жизни. Однажды, не так давно, я дошел до предела отчаяния и признался в убийстве Кеннеди. Ясным утром мы сидели в ресторане в Баулдере и заканчивали завтрак. Стильное место рядом с университетским городком. Здесь благопристойные люди могли встретиться, придя якобы прямо из церкви, и по-светски надраться белым вином, сидя рядом с мимозами. Между столами стояли папоротники и пальмы в горшках. Яркие оранжевые цветы свисали из подвешенных ваз.

Сам не могу объяснить, почему я начал рассказывать о том деле. Всю ночь накануне я даже не прилег. Мы с Алленом Гинзбергом, поэтом и моим давним другом, пили виски и скользили в пропасть алкогольного безумия. Это было прекрасно, но когда наступил полдень, моя голова всё ещё слегка кружилась.

«Сынок, – сказал я, – жаль портить тебе завтрак, но при-

ной холм» стал сленговым выражением, которое используется для обозначения заговора, скрытия улик и тому подобных вещей.

шло время сказать тебе правду о том, кто убил Джона Кеннеди».

Он кивнул в ответ. Я старался говорить низким голосом, но мне мешали эмоции:

«Это был я. Я тот человек, который застрелил Джека Кеннеди».

«Что?» – сказал он, быстро оглянувшись, чтобы проверить, слушают ли нас соседи. А они слушали. В любом месте земного шара упоминание имени Кеннеди всегда заставляет повернуться несколько голов. И только бог знает, что может почувствовать профессор американской политической истории, услышав как какой-то седой головорез, сидя в уютном баре, признается своему сыну в том, что он – убийца Джона Ф. Кеннеди. Такие фразы не остаются не услышанными. Мой сын наклонился вперед. Он пристально глядел мне в глаза, пока я рассказывал о деталях того дела и объяснял, почему много лет назад хладнокровно убил Президента. Я говорил о баллистике и предательстве, и моей «секретной работе на правительство» в Бразилии в шестидесятых годах, когда я, якобы, работал в Корпусе Мира.

«Я завязал с убийствами приблизительно в то время, когда ты родился, – сказал я. – Но до сегодняшнего дня никак не мог решиться рассказать тебе обо всем».

Он серьезно кивнул, затем, через секунду, рассмеялся и заказал чаю. «Не переживай, отец», – сказал он.

«Хороший мальчик, – сказал я. – Наконец мы можем быть

честными друг с другом. Впервые за 30 лет чувствую себя открытым и чистым».

«А я – нет, – ответил он. – Мне придется тебя сдать».

«Что? – закричал я. – Ты, маленький вероломный ублюдок!» Множество голов повернулись к нам. Для них это был сверхъестественный момент. Человек, который убил Кеннеди, только что публично признался своему сыну, а теперь они проклинаят друг друга.

Боги, что дальше?

Действительно, что? Как должно покоробить ребенка, рожденного в шестидесятые, сообщение о том, что его отец был наемным стрелком, который убил Кеннеди. Что делать? Звонить в полицию? Священнику? Или вести себя как таракан и не говорить ничего?

НЕ УДИВИТЕЛЬНО, что бедные ублюдки из Поколения Икс потеряли чувство юмора в том, что касается политики. Некоторые вещи не смешны для обреченных. Особенно если обреченные только что выбрали Президента, у которого вообще нет чувства юмора. Шутки кончаются, если даже победа превращается в стремительный бег вниз по склону: к невзгодам, разочарованию и тошнотворному ощущению, что вас предали. Если вы можете смеяться, столкнувшись с такими вещами лицом к лицу, вы годитесь для работы на серьезного кандидата в президенты. Предвыборная кампания наполнена жестоким и грубым юмором. Думаете, вам нравятся шутки? Тогда попробуйте потусоваться после полуно-

чи с наемными убийцами вроде Джеймса Карвилла или покойного Ли Этуотера⁴, который умер от рака в 1991 году. Его смерть стала фатальной потерей для Буша в его борьбе за повторное избрание. Этуотер мог сказать, без всякой злобы, что хочет кастрировать Майкла Дукакиса, затолкать ему в глотку его отрезанные яйца и выкинуть на пустыре в Бостоне. Этуотер часто говорил слова, от которых люди ежились. Сам он при этом обычно улыбался, а люди пытались смеяться.

«В его словах есть Глубокая Подоплека, – размышляли они, – *разумеется*, он выразился фигурально». Дьявол! В некоторых штатах вы можете попасть в *тюрьму* за такие угрозы. *Преступное запугивание* – два года минимум. *Заговор* для совершения Убийства и/или Преступное Нападение с Намерением нанести Значительные Телесные Повреждения – минимум 50 лет в Арканзасе и Техасе. А также – Похищение (смерть), Изнасилование, Содомия и Уродование со злым умыслом, Измена, Лжесвидетельство, Большой Сексуальный Обман и Заговор с целью Совершения всего вышеупомянутого (600 лет, минимум)... Получите срок, хотя на самом деле никто ничего не *сделал*. Хо, хо. Как насчет колес правосудия, Бубба? Шестьсот пятьдесят два года – всего лишь за несколько порций джина, выпитых за обедом, и обмен шутками среди воинов...

⁴ Известный «грязный» политтехнолог.

Ричард Никсон не был мошенником. Хо, хо. Джордж Буш был чист. Хо, хо.

Эд Роллинс дал взятку всем негритянским проповедникам в Нью-Джерси, чтобы получить голоса черных на выборах губернатора в 1993 году. Хи-хи.

Джеймс Карвилл поджёг сердце Гамильтона Джордана, а потом отказался поссать ему в глотку, чтобы ненароком не спасти его жизнь. Хо, хо.

Вот сорт юмора, от которого приходят в восторг джанки политических кампаний. Такие анекдоты они рассказывают своим детям – по тем же извращенным мотивам, которые заставили меня за завтраком признаться сыну в том, что я снес голову Джона Кеннеди в Далласе.

Надо быть очень подлыми, чтобы смеяться на предвыборной тропе. Нет таких вещей как паранойя.

НЕ КАЖДЫЙ ЧЕЛОВЕК может хохотать над такими вещами, но если хотите, чтобы вас избрали, лучше быть Подлым, чем Забавным.

Жестокие шутки – весомая часть жизни в среде, где фанаты скорости, трудоголики и обсессивно-компульсивные политические джанки рвут себе пупки день и ночь тринадцать месяцев подряд на собственном адреналине и стимуляторах, которые они глотают в возрастающих дозах каждый день с надменностью того сорта, что приходит, когда вы пытаетесь

скрестить Чистоту и Честолюбие, а потом видите себя на первой странице *Нью-Йорк Таймс*, на фотографии, рядом с будущим президентом, который сходит с самолета в Техасе или Бостоне, или Вашингтоне, окруженный бандой суровоглазых агентов Секретной Службы США; агенты сопровождают вас через толпу, а толпа выкрикивает приветствия...

Это острые ощущения. Они, как скажут многие, дают больше кайфа, чем любой наркотик. Возможно, они *лучше, чем секс*... – что является странной теорией и поднимает тревожные вопросы личного характера. Но, всё же, теория есть теория, и бывают дни, когда в неё верю даже я. Правда, верю не по настоящему, и такие дни настолько редки, что даже не могу вспомнить, когда это было. Но когда вспоминаю, ощущения похожи на гвоздь, воткнутый в глаз. Боль проходит, но рана остается навсегда. Рубец никогда не заживет до конца – а когда кажется, что дело идет к этому, я его снова ковыряю. У меня есть рубцы, которые появились 33 года назад, а я всё ещё помню, как они возникли, как будто это было вчера.

НЕ КАЖДЫЙ ЧЕЛОВЕК спокойно мирится с мыслью, что политика – преступное пристрастие. Но это *так*. Они – *наркоманы*, и они *преступники*. Они лгут и жульничают, и крадут – как все джанки. А когда их охватывает неистовство, они способны пожертвовать всем и всеми, чтобы удовлетворить свою жестокую и тупую страсть. И лекарства от это-

го не существует. Это образ мысли, присущий наркоманам. Это политика – особенно во время президентской кампании. Когда наркоманы захватывают высокие позиции. Их больше ничего не беспокоит. Они лососи, и они должны отметать икру. Они наркоманы, и я тоже. Эта рыба слышит свою музыку, а я слышу свою. Политика похожа на Гвинейского Червя⁵. Он проникает в ваше тело и растет подобно пузырю изнутри, пока не становится таким большим и сильным, что прорывается прямо через кожу – жуткий красный червь. У него есть голова, и он похож на крошечную кобру. Червь хватает глоток воздуха и пытается дышать. Правда! Такие картинки есть в Энциклопедии Британика. Гвинейский Червь существует на самом деле – как и политика. Единственное различие: вы можете избавиться от червя, схватив его за голову и намотав его тело на палочку. Червя из своей плоти надо вытаскивать очень медленно, как птица вытаскивает земляного червя из его норы. Избавиться от политической наркомании не так легко. Этот червь меньшего размера, и он мигрирует вверх, к черепу, где растет, питаясь тканями. На этой стадии его нельзя обнаружить, и обычно ставится диагноз заражения обычной «мозговой трематодой» – что также неизлечимо – и к тому времени, когда он становится достаточно сильным, чтобы пробурить путь через мягкие точки черепа, дотронуться до него решится не каждый специалист по изгнанию бесов.

⁵ Подкожный паразит.

Проблема Гвинейского Червя ограничена главным образом экваториальной Африкой, слава богу. Мы, в нашей стране, не готовы к таким проблемам. Снижение стандартов уровня жизни – одно дело, но трудно привыкнуть к мысли, что любое изменение кожи на вашей ноге может быть первым признаком червя, который собирается выбраться наружу. Для нормального американца такая ситуация по-прежнему выглядит неприемлемой. Даже одиночный (подтвержденный) случай заражения Гвинейским Червем в Вашингтоне был бы воспринят как дурной знак, предрекающий конец президентства Билла Клинтона. Эпидемия прикончила бы Демократическую партию, и в Белый Дом въехал бы, лет на двадцать, Пат Бьюкенен.

Жуткий сценарий, Бубба⁶, но, к счастью, маловероятный. У нас в Вашингтоне достаточно проблем без проклятого Гвинейского Червя. Хотя многие президенты страдали от худших вещей, такие дела всегда держат в секрете от публики.

Это работа Секретной Службы, и она хорошо с ней справляется. «Дегенераты – наша специальность, – шутил один агент. – Мы каждый день прикрываем такие дела, которые

⁶ Доброжелательное обращение к брату, особенно старшему, к другу. Употребляется преимущественно в Южных Штатах. За их пределами данное обращение приобретает дополнительное значение: так называют плохо образованного человека, который имел проблемы в жизни, не преуспел в бизнесе, но остается славным малым. «Бубба» – одно из распространенных прозвищ Билла Клинтона.

смутили бы маркиза де Сада».

МАРКИЗ ДЕ САД не любил сельскую жизнь. Он предпочитал город, где люди были ближе друг к другу и процветали утонченные искусства. Маркиз был художником, а художники бродили по городу... некоторое время, по крайней мере. Всё зависело от того, к какому типу художников вы принадлежали, а маркиз был единственным в своем роде...

У него был стиль, присущий только ему, как говорили. И он ненавидел, когда ему мешали. Он обладал жизнелюбием художника и презирал политиков как отбросы. Он серьезно пил и имел вкус к лаудануму и другим опиатам, из-за чего порой приходил в состояние неистовства и привлекал нежелательное внимание местной полиции, независимо от того, где он жил.

Полицейские всегда мешали, даже в Париже. И скоро он начал ненавидеть их. А потом бояться – когда увидел, что они не только ненавидят его искусство, они ненавидят его самого и хотят запереть его в тюрьму.

Так они и сделали. И они сажали его неоднократно, и даже когда он был на свободе, они преследовали его как гонимые псы. К весне 1788 года у маркиза была такая грязная репутация, что порой его гоняли по улицам как полуночную крысу.

Его друзья пытались вмешаться: маркиз был, в конце концов, французским аристократом, а также работающим художником. Его искусство было несколько странным, ну и что? Если не он, то кто-нибудь делал бы то же самое. Так

оставьте его в покое и занимайтесь своими делами!

Что было неплохим советом — в то время. Парижская служба правопорядка была довольно стабильной на протяжении всего восемнадцатого столетия, но в последние годы всё пошло наперекосяк. Полицию перестали бояться. Злобные толпы поджигали полицейские участки, чернь приходилось разгонять с помощью вооруженных солдат. Всем всё было по фиг.

Настроение в городе было таким гнусным, что даже маркиз де Сад стал народным героем. Четырнадцатого июля 1789 года он повел толпу неистовой черни на пресловутую Бастилию, которую защищали обреченные военные полицейские. Толпа ворвалась в крепость, чтобы «освободить всех политических заключенных», как позднее объяснял маркиз.

Так началась Французская Революция. Де Сад рассказывал, что самолично зарезал пять или шесть солдат, когда толпа под его предводительством штурмовала тюрьму и захватывала ключи от Арсенала⁷. Толпа обнаружила в Бастилии всего восемь «политических заключенных» и освободила их. Правда, к наступлению ночи четверо из них были убиты в дикой рукопашной схватке, в которой каждый отстаивал свои мародерские права на оружие и обмундирование.

⁷ *Примечание автора: историки сообщают, что одного из убитых заключенных звали Роджер Клинтон, и он был дезертиром из Французского Иностранного Легиона.*

ВОТ ТАК, ребята, маркиза де Сада в конце концов вынудили заняться политикой. Они сами толкнули его слишком далеко. Поэтому он решил взять под контроль свою среду.... А мораль истории в том, что нельзя полагаться на чудаков. Они снесут вам голову. А потом извращенцы съедят ваши мозги.

Поверь моему слову, Бубба. Я эксперт в таких вещах. Я был там.

В НОЧЬ ВЫБОРОВ в 1972 году, например, я был в Сиу-Фоллс, Южная Дакота. Там были Джордж и Элеанор Макговерн – и Фрэнк Манкиевич, и Джон Холам, и Сэнди Бергер, и Гэри Харт, и Барбара Шейлор, и Боб Макнил, и Элай Сигал, и Карл Вагнер, и Рик Стирнс, и Билл Гридер, и Джонни Эппл, и Конни Чанг, и Тим Круз, и Джон Гедж, и Дон Пенн-бейкер и Джулия Кристи, и Уоррен Битти, и... Упс! А были ли там Уоррен? К тому времени он, вроде, спрыгнул с корабля? Кажется, он решил завязать с напряжениями и уже не показывался в ноябре, когда дела пошли совсем плохо. А мы, все остальные, отправились в проклятый богом, безрадостный, фригидный, горбатый и тупой маленький городок, который внезапно оказался в миллионе миль от Беверли Уилшир и ещё одном жестоком миллионе миль от Белого Дома?

Уоррена не было в Сью-Фоллсе тем вечером, если только он не прятался в каком-нибудь пошлом пентхаусе на окраине города. Я помню каждого, кто там был, и я всё ещё вижу,

как они неистово делают свою работу на пути к жестокому концу.

ДВАДЦАТЬ ДВА ПРОЦЕНТА. Испытай это в плохую ночь на предвыборной тропе! Ужасно. Обвал начался рано, и конца ему не было видно. Никсон победил в 49 штатах. Даже Южная Дакота не пошла за Макговерном. Это было как в Аламо. Мы были окружены армиями Никсона – даже в родном городе нашего кандидата. Задолго до закрытия избирательных участков в Калифорнии гиены начали подбираться ближе. В воздухе стоял опасно густой запах крови.

Я залег в темном углу Фидлот-Лаунж вместе с Фрэнком Манкиевичем. Внезапно был «закрыт» банковский счет, которым он пользовался на протяжении шести месяцев...

Больше никаких кредитов. Никаких «маргарит»⁸.

Шутки кончились. Мечта умерла. Вроде того, как утонуть на надежном корабле «Рубен Джеймс»⁹. Вечером, около шести, Фрэнку позвонили из «Юнайтед Эрлайнс». Управляющий по кредитам хотел поговорить с человеком, который «отвечает» за оплату счета за шестимесячную аренду Боинга 727 и множества более мелких самолетов из Президентского Чартерного Флота ЮЭЛ. Шестнадцать миллионов пассажиро-миль во всех 50 штатах по пяти долларов за милю, согласно контракту, плюс 9000 часов сверхурочных по тройному тарифу для пилотов и команды. «Кто знает, что они могут

⁸ Популярный коктейль из текилы, сока лайма и ликера.

⁹ Первый корабль, потерянный ВМС США во Второй мировой войне.

рассказать, если им не заплатят? – спросил управляющий у Фрэнка. – Выполняя свою работу и свои обязанности, они, как вы наверняка знаете, стали свидетелями многих ужасных и опасных событий. Вы наняли их для заранее обреченного и явно опрометчивого фарса – президентской кампании. Знаете, Фрэнк, сколько людей отправятся в тюрьму до конца своих дней? Если наших пилотов будут допрашивать под присягой? Или стюардесс? Иисус! Кое-что вызывает у меня тошноту, Фрэнк, и никто не хочет, чтобы об этих делах шли разговоры, а?

Офигенно не хочет! Так оплати проклятый счет, Фрэнк. Хотя бы частично... пожалуйста. Просто выпиши мне чек. Что с того, что он будет фальшивым? Никого не колышет. Ты пишешь бумажку, босс, а я предъявляю».

Фрэнк говорил с тем человеком, сидя в комнате прессы, там, где его застали. Был включен громкоговоритель, и мы все слышали угрозы и отвратительный последний выстрел: «Больше не будет тебе никаких самолетов, большой парень. Ни сегодня, ни завтра. Вас вычеркнули! Это касается и полета назад, в Вашингтон. Хо, хо. Удачи без команды и без пилотов. Автобус отходит два раза в день».

Что было правдой – но нас на нем не было. Мы сели на Боинг 727, который был заправлен топливом высшего сорта до полудня в День Выборов и зафрахтован в «Юнайтед Эрлайнс», как всегда. Фрэнк выписал чек, а я подписал, и мы передали его в единый кредитный офис в Чикаго, наняв для

этого женщину, которую называли Индюшкой Сиу-Сити. И больше мы об этом ничего не слышали.

Мы сбежали на нашем самолете до полудня, чуть-чуть опередив повестку о наложении ареста на имущество. Уже темнело, когда мы в конце концов добрались до тускло освещенного ангара в дальнем конце Национального Аэропорта, через реку напротив Вашингтона. Здесь собрался национальный персонал, чтобы встретить мертвых и раненых, пострадавших в жестоком избиении на публике, и простить их за все провалы, которые могут быть прощены в Вашингтоне.

Из событий того ужасного дня в ноябре 1972 года я запомнил ещё одну вещь: говорили, что некий придурок по имени Клинтон виноват в потере 222 округов в Техасе – включая Уэйко, где он был региональным координатором Макговерна. Его «уволители без оплаты, *без сохранения прав*» и отправили домой, в Арканзас «с хвостом, поджатым между ног», как выразился один из членов команды.

«Мы больше никогда не увидим этого тупого ублюдка, – проворчал другой помощник Макговерна. – Клинтон, Билл Клинтон. Да. Запомним это имя. Больше ему не работать. По крайней мере, не в Вашингтоне».

В конце девятнадцатого столетия люди выработали сильную позицию по отношению к наркотикам, и эта позиция была основана на концепции индивидуальной пользы и государственных целей. Медицинские, фармацевтические и

другие влиятельные организации понимали угрозу, которую наркомания представляет для определенных групп: женщин, работающих людей и молодежи. Тем не менее, испытывая отвращение и страх перед наркоманией, многие люди конца девятнадцатого столетия сочувствовали людям, зависимым от наркотиков. Они проклинали употребление наркотиков с целью бегства от действительности или получения чувственного удовольствия, но полагали, что наркомания является формой физиологического рабства, что смягчает вину наркомана...

— Г. Уэйн Морган. *Вчерашний наркоман*

АХ, ДА, О СЛАБОЙ ВЕРЕ... Политика похожа на марш смерти, если вы проигрываете несколько раз подряд. И верно как ад, что тупые фразы типа «политика лучше, чем секс» говорят вам не те, кто проиграл. Победа — наркотик, а Билл Клинтон — настоящий джанки. Большинство людей отрицают зависимость от наркотиков — но не я. У меня такой склад личности, который предрасполагает к наркотической зависимости, и все медицинские эксперты согласны с тем, что я неизлечим — что всегда тревожило претендентов на пост Президента Соединенных Штатов. Они нервничали, когда я без предупреждения поздно ночью приходил к ним домой и затевал беспорядочный спор по вопросам национальной безопасности или регрессивного налогообложения, или по поводу слухов об отвратительных семейных скандалах...

Но это было давно. Потом положение вещей изменилось.

После того как я официально зарегистрировался как наркоман, больше не возникало проблем с красной лентой или страхом публичного разоблачения, или позора быть увиденным рядом со мной.

Ни один кандидат не хотел, чтобы его имя связывали с «подозреваемым» наркоманом, но зарегистрированный, со знавшийся наркоман – совершенно другое дело. Я признался – значит, со мной всё в порядке. Никого не беспокоили бесчисленные криминальные пристрастия, которые терзали меня днем и ночью – пока я не отрицал обвинения. В этом был ключ. Пока они знали, что я знаю, что я нездоров и виновен, я был в безопасности. Они всего-навсего пытались помочь мне.

Взгляните на Билла Клинтона. Он отправил своего брата в тюрьму «для его же пользы». В семье Билл был чувствительным парнем, испытывавшим влияние идей Новой Эры, а бедный Роджер был злобным тупицей, паршивой овцой, младшим братом, с которым всегда случаются неприятности. Когда его блестящий старший брат обменивался рукопожатием с президентом Кеннеди в Роуз-Гарден, Роджер тусовался в Тоддл-Хаус в Литтл-Рок и знакомился с местной полицией... А когда Билл отправился в Оксфорд как стипендиат Роудс, Роджер отправился в Мемфис и связался там с тем, что тогда называлось «криминальным элементом». Вскоре он начал открыто безобразничать, и его имя попало в газеты. Некоторые люди говорили, что он наркоман, и его на-

до ограбить от окружающих – в его собственных интересах. Всего через несколько лет, когда Государственная Полиция пришла к Губернатору Клинтону и сообщила ему плохую новость – его младшего брата едва не арестовали за наркотики во время полицейского рейда – Билл сделал то, что должен был сделать. Роджер был преступником, а Билл – нет, Роджер отправился в исправительную тюрьму, а Билл – в Белый Дом.

Я ЗНАЮ, ЧТО У МЕНЯ НЕ БЫЛО выбора. Я не мог не принять участие в избирательной кампании 1992 года. Хотя понимал, что большинству участников будет не слишком весело – если не считать короткого счастья, которое испытывают члены команды единственного уцелевшего, который станет очередным президентом Соединенных Штатов. Он отправится – со своими людьми – в Белый Дом, где многие потонут или разобьются насмерть на темных рифах в скоростном ряду.

Кроме них, единственный сектор электората, который мог почувствовать какую-то радость в ночь выборов, были джанки вроде меня, которые понимали сердцем, что в 1992 году побить Джорджа Буша было единственным настоящим приоритетом. Всё остальное не имело значения.

Глава 2. Книга бесед

Корни наркомании: деградация американской политики в последние годы Американского Столетия... Оставь надежду, входящий сюда... Добро пожаловать на территорию мистера Билла: трагическая история человека, который боролся с силами зла и алчности на предвыборной тропе, от Кеннеди до Клинтона... Нет такой вещи как экс-джанки...

Я существую от начала мира, и буду существовать, пока последняя звезда не упадет с небес.

Хотя я принимал форму Гая Калигулы, я – все люди, и я – не Человек. Итак, я – Бог.

– Билл Клинтон, 1993

В НАШЕ ВРЕМЯ на прилавках найдешь не много хороших политических фильмов – и не так много их было снято вообще – но есть несколько действительно классных картин.

«*Быть там*» – одна из них, а также «*Вся королевская рать*». «*Гражданин Кейн*» расскажет вам много интересного о политике, как и ДФК¹⁰, и «*Жизнь Ричарда Никсона*». Но если вы хотите серьезный политический фильм, посмотрите, не торопясь, «*Калигулу*», фильм, который многие ценители назовут лучшим.

¹⁰ Джон Фитцджеральд Кеннеди.

«Калигула» – подлинный ужас – сага о жадности, ошибках и коррупции, на фоне которых Никсон выглядит любителем, а Чарльз Мэнсон заурядным панком. Калигула был серьезным человеком, и он не видел пользы в журналистах.

ЕСТЬ МНОГО ПУТЕЙ заниматься искусством журналистики, и один из них – использовать ваше искусство в качестве молотка, чтобы уничтожать хороших людей – которые почти всегда принадлежат к вашим врагам, по той или иной причине, и которые обычно *заслуживают*, чтобы их искалечили, потому что они неправы.

Это опасная мысль, и немногие профессиональные журналисты одобряют её – они назовут её «мстительной» или «примитивной», или «извращенной», независимо от того, как часто сами делали такие вещи. «Эта чепуха всего лишь частное мнение, – говорят они, – и читателя *обманывают*, когда такие мысли *не обозначают* как частное мнение».

Хорошо... возможно, так и есть. Возможно, Том Пейн обманывал своих читателей. А Марк Твен был бродячим жуликом, и у него совсем не было морали, и он использовал журналистику в собственных грязных целях... А Г.Л. Менкена надо было посадить в тюрьму за попытки подать своё мнение доверчивым читателям как нормальную «объективную журналистику».

Менкен презирал такую критику, считал её бормотанием тупых йеху¹¹. Особенно, если она исходила от знаменитого

¹¹ Название злобного племени из книги «Путешествие Гулливера». В США ис-

во всем мире кандидата в президенты Соединенных Штатов Уильяма Дженнингса Брайана. Брайан называл Менкена «позором журналистики» и говорил, что он «столь искривлен от природы, что не способен написать нормально даже заметку для страницы некрологов».

К несчастью для Брайана, он умер раньше Менкена – и заплатил за это страшную цену, когда Менкен написал некролог в *American Mercury*. Этот некролог был и остается одним из самых ужасных вещей, написанных о покойнике в истории Американской литературы. И я помню, как был потрясен, когда прочитал эту вещь впервые. Я подумал, о, боги, это зло. В школе меня учили, что Брайан был истинным героем, который вошел в историю. Но, прочитав жестокий некролог, написанный Менкеном, я понял, что для меня он навсегда останется чудовищем.

Очевидно Менкен высказал своё частное мнение – никаких сомнений – но я верил в него тогда и верю в него сейчас. Брайан был тупым скотом и бесноватым шарлатаном, который яростно утверждал в суде, что мужчины – не млекопитающие, и полагал, что всех несогласных с ним надо посадить в тюрьму. Его тень много десятилетий висела над Белым Домом, и его боготворили миллионы людей. Меня бросает в дрожь от мысли, что мои школьные друзья до сих пор считают его великим человеком.

Менкен понимал, что политика – та, что используется в

журналистике – это искусство контроля над миром, и он не считал нужным приносить за это извинения. В моем случае, с помощью того, что можно вежливо назвать «охраняющей журналистикой», я применял описание событий как оружие давления на политическую ситуацию, которая ломала *мой* мир.

Это работало на Пата Бьюкенена.

И это почти работало на меня.

В политике нет благородства.

– Бенджамин Дизраэли

БЫВАЮТ ДНИ, когда в политическом бизнесе вы получаете то, что заслужили. Осенью 1970 года я чуть было не получил своё.

В тот год я *баллотировался* – кандидат от Чокнутых – в шерифы округа Питкин, Колорадо. Незадолго до Хэллуина я глянул на рейтинги и понял, что могу победить. Тайный опрос общественного мнения, проведенный Би-би-си ТВ, показал, что я значительно опережаю кандидата от республиканцев, а с кандидатом от демократов «иду ноздря в ноздю».

Та кампания сочетала журналистику и политику. Что было необходимостью. У нас просто не было выбора.

Для заинтересованных людей:

Вопреки широко распространившимся слухам, вопреки пагубному стремлению некоторых лиц выдать желаемое за

действительное, я очень серьезно отношусь к выдвижению своей кандидатуры на пост шерифа. Выборы состоятся в ноябре. Всякий, кто думает, что я шучу, глупец: 739 новых выборщиков, занесенных в списки после предварительных выборов в сентябре – это не шутка в округе, где общее количество голосов меньше 3000. Итак, пришло время, как я полагаю, покончить со злыми слухами и осознать, наконец, странную возможность того, что очередным шерифом этого округа вполне может стать журналист-сквернослов, у которого есть некоторые очень неприличные идеи относительно стиля жизни, правоохранительной системы и политической реальности в Америке. Почему нет? Это причудливый изгиб моей жизни, и, несмотря на естественный ужас от мысли стать главной свиньей, я чувствую в себе готовность. И я думаю, что Эспен тоже готов: не только к тому, что шерифом будет твердокаменный Чокнутый, но и к совершенно новому стилю местного правления – разновидности того правления, которое Томас Джефферсон имел в виду, когда использовал слово «демократия». У нас не очень хорошо получалось с этой концепцией – ни в Эспене, ни где-либо ещё – и доказательством нашей неудачи является крушение мечты Джефферсона. Оно преследует нас везде, от побережья до побережья, в теленовостях и тысячах ежедневных газет. Мы растранижили фантастическую возможность, которую Эйб Линкольн называл «последней, лучшей надеждой человечества».

А может быть – нет. Не полностью, по крайней мере. Есть люди, которые утверждают, что мы ещё можем взять себя в руки, и спасти некоторые обломки. Но даже Никсон не захочет делать серьезные ставки на такую удачу. И на самом деле единственное соображение, почему нам все-таки стоит попробовать, это то, что у нас практически нет другого выбора. Альтернативы слишком мерзки – для наших детей, если не для нас самих.

Мрачная ситуация, до которой нас довели наши политики. Даже здесь, в Эспене. Наша долина перестала быть убежищем или укрытием от реальности, как было многие годы. Долина взяла лучшее от обоих миров. Она была форпостом городской «культуры», глубоко спрятанным в сельской местности, в Скалистых горах. Оказалось, что это хорошо продаваемый товар, как говорят в шоу-бизнесе, и за последние пятьдесят лет расцвела оргия продаж.

Теперь мы пожинаем бурю – проблемы большого города слишком злокачественные, чтобы их можно было решить в маленьком городе. Уличное движение Чикагского типа в городке без светофоров. Полицейские налеты в стиле Окленда для борьбы с наркотиками – но налеты всегда грубые и неумелые. Простоватые ковбои-копы не видят ничего плохого в том, чтобы, надев наручники на задержанных, ткнуть им кулаком под ребра, а шериф стоит рядом и смотрит, и тоже не видит в этом ничего плохого. В то время, когда владельцы ранчо стонут из-за районирования, нью-йоркские маклеры и

жулики продают долину прямо у них из-под ног. Окружной прокурор владеет собственным рудником, где добывает железо, и собственными индустриальными трущобами, расположенными прямо у входа в долину. Окружные уполномоченные – грубые болваны, готовые как лакеи прислуживать любому дельцу из большого города, который хочет принять участие в распродаже.

Это кошмар, плохой фильм, страшная насмешка над всеми нами. Мы гадим в своем гнезде, и зловоние становится невыносимым. Где конец? Когда? Как? И кто победит обман?

Только серьезные люди умеют смеяться.
– Федерико Феллини

ХАНТЕРА ТОМПСОНА – В ШЕРИФЫ

1970 Эспен, Колорадо

ПРЕДВАРИТЕЛЬНАЯ ПЛАТФОРМА

6 из 13 пунктов

1) Немедленно покрыть дерном улицы. Разбить асфальт на всех улицах города отбойными молотками и использовать куски асфальта (после расплавления) для создания огромной парковки и автостоянки на окраине города – желательно подальше от глаз, где-нибудь между новыми очистными сооружениями и новым торговым центром Макбрайда. Все отходы и мусор можно сосредотачивать в этой зоне – в память о миссис Уолтер Пейпк, которая продала эту землю для застройки. Автомобили, которым будет разрешен въезд, будут

перемещаться только по сети «аллей доставки», как показано на детальном плане, разработанном архитектором-планировщиком Фрицем Бенедиктом в 1969 году. Население будет перемещаться пешком и на флотилии велосипедов под контролем полицейских сил города.

2) Сменить название «Эспен» – проведя общественный референдум – на «Жирный Город». Это помешает жлобам, торговцам землей и другим шакалам зарабатывать деньги на названии «Эспен». Так, «Снежная месса в Эспене» – недавно проданная Кайзеру/Этне из Окленда, Калифорния – станет «Снежной мессой в Жирном Городе». «Дикие кошки из Эспена» – в числе их главных спонсоров «Первый национальный городской банк Нью-Йорка» и «Первая Бостонская корпорация» – станут называться «Дикими кошками из Жирного Города». На всех дорожных знаках и картах «Эспен» должен быть заменен на «Жирный Город». Местное почтовое отделение и торговая палата будут вынуждены использовать новое название. «Эспен», Колорадо прекратит существование. Материальные отголоски этой перемены в мире коммерции будут значительными: «Лыжные моды Жирного Города», «Слаломный клуб Жирного Города», «Музыкальный фестиваль Жирного Города», «Институт гуманистических исследований Жирного Города» и так далее. Главная выгода здесь заключается в том, что смена названия города не повлияет отрицательно ни на сам город, ни на людей, которые сюда приезжают по той причине, что это хоро-

шее место для жизни. Как подействует смена названия на тех, кто приезжает сюда, чтобы дешево купить, дорого продать, а потом смыться, – совершенно очевидно... и в высшей степени желательно. Этим свиней надо отыметь, сломать, а потом гнать по всей земле как прогнивших тунеядцев, которыми они и являются.

3) Продажу наркотиков следует контролировать. Моим первым действием в качестве шерифа будет строительство на лужайке перед зданием суда помоста для наказания палочными ударами – чтобы публично наказывать бесчестных торговцев наркотиками. Каждый год эти пенососы вытягивают у миллионов людей миллионы долларов; их племя стоит в одном ряду с распространителями товаров и продавцами подержанных машин... и ведомство шерифа будет охотно выслушивать жалобы на дилеров в любое время дня и ночи. Тем, кто предьявляет жалобы, будет гарантирована защита от преследования – при условии, что жалобы обоснованы. (В этом пункте платформы следует отметить, что любой шериф любого округа в Колорадо по закону отвечает за проведение в жизнь *всех* законов штата, которые касаются наркотиков – даже тех законов, с которыми он лично не согласен. За каждый случай намеренного невыполнения закона полагается штраф до 100 долларов... Но следует также отметить, что законы предусматривают многие другие штрафы и наказания при многих странных и невероятных ситуациях, и как шериф я должен ознакомиться со всеми законами без исклю-

чения. Поэтому любой мстительный, некомпетентный придурок, который захочет обвинить мой офис в должностных преступлениях, должен быть полностью уверен в тех фактах, которые он предъявит.) Общая философия шерифа будет заключаться в том, что наркотики не должны продаваться для прибыли. Некоммерческие продажи будут рассматриваться как пограничный случай и будут оцениваться по их последствиям. Такой подход, как мы считаем, создаст исключительную и очень гуманную обстановку в Эспене (или Жирном Городе) в том, что касается наркотической культуры – которая настолько уже стала частью нашей местной действительности, что только фашист и безумец может говорить о попытках «искоренения». Так что единственно реалистичный подход – сделать жизнь в этом городе очень неприятной для любых спекулянтов, как в сфере наркотиков, так и во всех остальных сферах.

4) Охота и рыбалка должны быть запрещены для всех, кроме местных жителей и людей, которые получают разрешение, подписанное местным жителем – который будет по закону отвечать за любые нарушения и злоупотребления совершенные тем приезжим, за которого он «подписался». Штрафы будут тяжелыми, а общая политика будет заключаться в безжалостном преследовании всех нарушителей. Но – так же, как в случае с предполагаемой сменой названия города – это требование «подписи местного жителя» не будет иметь отрицательного действия ни на кого, кроме жадных, опас-

ных фанатиков-убийц, которые представляют угрозу везде, куда бы они ни пришли. Этот новый план никак не затронет местных жителей – кроме тех, кто *одобряет* приезд «спортсменов». Такой подход – когда сотни или даже тысячи *индивидуумов* будут лично отвечать за защиту живущих в нашей местности животных, рыб и птиц – позволит нам *de facto* создать своего рода охотничий заповедник. Причем без жестких ограничений, которые придется соблюдать и нам, если эти кровожадные идиоты будут продолжать роиться здесь каждую осень, стреляя во всё, что попадается им на глаза.

5) Шериф и его заместители никогда, ни при каких условиях не должны носить оружие в общественных местах. Все городские бунты, перестрелки и кровопролития (с использованием огнестрельного оружия), если вспомнить недавнее прошлое, были спровоцированы теми копами, которые в приступе страха охотно нажимают на курок. И ни одному копу в Эспене не приходилось использовать огнестрельное оружие на протяжении уже стольких лет, что я без опаски предлагаю вознаграждение в 2 доллара наличностью тому, кто сможет вспомнить такое происшествие (информацию присылать на адрес: Почтовый ящик К-3, Эспен). При нормальных условиях полицейской дубинки, такой как МК-V, которую производит General Ordnance, более чем достаточно для быстрого решения любой проблемы, связанной с насилием – из тех проблем, что могут возникнуть в Эспене. А то, с чем полицейская дубинка не может справиться-

ся, так или иначе требует подкрепления... в таких случаях ответ всегда должен предусматривать массированное возмездие. Жестокая атака с применением огнестрельного оружия, бомб, перечных аэрозольных генераторов и всех других видов оружия – необходимое средство для восстановления гражданского мира. Идея разоружения полиции заключается в *снижении* уровня насилия – одновременно гарантируется ужасающее наказание для любого идиота, который попытается применить насилие к безоружному копу.

б) Свирепое преследование людей, которые в любой форме насилуют землю, будет политикой ведомства шерифа. Немедленные действия будут предприняты по любому поводу и по всем обоснованным жалобам. Моим первым действием в офисе – после сооружения помоста для наказания наркоторговцев – будет организация бюро для расследования фактов насилия над землей. Любой гражданин сможет написать заявление о конфискации, об остановке, об опасениях, об ужасе... да... даже заявление о предположениях... против любого жлоба, которому удалось обойти наши старомодные законы об охране природы и поставить бак с гудроном, выкопать канаву для слива отходов или гравийный карьер. Эти заявления будут рассматриваться с чрезвычайным усердием... и всегда – следуя букве закона.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.